

СТЕПАН СМЫШЛЯЕВ

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

(Записки алтайского конника)

Наша деревня Широкий Луг расположилась прямо на границе между Горным Алтаем и Горной Шорией в Кузбассе, на правом берегу реки Кондомы. Колхоз, маслобойня и пасека моего отца, которая когда-то принадлежала ему лично, но после революции его оставили на ней просто пасечником, – вот всё, что было в деревне. Да пять-шесть десятков домов.

Отец Смышляев Филипп Павлович прошёл Великую войну, где его заверстали в казаки, хотя по рождению он из вятских, но хорошо знал и любил коней. В 1917 году вернулся домой хорунжим. Тогда я впервые подержал в руках его боевую шашку. И думать не думал, что самому придётся помахать ею целых четыре года, пройдя на коне от Москвы до Берлина.

Все мы, Смышляевы, из Вятки. Наша ветвь фамилии приехала оттуда на Алтай, а затем сюда, в деревню Широкий Луг, в 1906 году. Мне тогда был только год.

По отцу и мы с братом стали казачьими детьми. Брат Иван погиб в 1919 году в сабельной рубке под Кузнецком, там и похоронен в братской могиле над крепостью. Я младше его, мне гражданская не досталась, я служил срочную в 1927–1929 годах в Новосибирске и Тано-Туве. Наши кавалерийские разъезды охраняли в Туве границу.

Вернувшись со срочной, жил одиночно, но в 1930 году вступили с отцом в колхоз. А через год я ушёл в старатели в Спасское приискное управление. Но в 1940 году вернулся в Широкий Луг, работал бригадиром в колхозе. Там и застала война.

25 августа 1941 года я уходил на фронт. Всех, кто из бывших сибирских казаков, бывших кавалеристов гражданской войны собрали по таёжным деревням и селам и привезли в Бийск. Не думал я тогда, что мать больше не увижу, она умерла в 1943-м, похоронена в Широком Лугу. И сынок мой старший Коля рядом с ней. Не всем военная голодуха позволила выжить.

Меня определили в 235-й кавалерийский полк 73-й отдельной Сибирской кавалерийской дивизии. Дивизия была только-только сформированной, поэтому нас поселили в специальном учебном лагере и обучали сабельному и ружейному бою. Вскоре из Монголии прибыли кони, их начали объезжать.

В ноябре мы отбыли на станцию Бийск, погрузились в эшелоны и отправились на фронт. Но сначала прибыли в деревню Смолево под Шатурой, охраняли электростанцию. Конными разъездами прочёсывали лес, задерживали диверсантов. Нас боялись, особенно наших нагаек и наших крепких рук, один даже сошёл с ума, когда поймали. Всё тараторил: “Не надо, не надо, я больше не буду”.

Казарм не было, жили в палатках или просились к местным в дом. Для коней соорудили загоны, настроили им кухню, кормили сеном и запаренным овсом. Но корма стало не хватать, скоро и яблоки закончились, паданок поначалу собирали мешками, но коней много, они голодали.

У меня был хороший вороной по кличке Бек. Укрою попонкой, он пригреется и дремлет, только ушами прядает. Один раз я неожиданно подошёл, так он аж затрясся от страха спросонок. С тех пор я тихонечко к нему подходил, ласково, как к мальчишке. Собственно, он и был ещё молодым конём. А мне уже тридцать седьмой шёл. Хлопцы меня Филиппычем звали, не иначе. А молодые ребята к концу войны и вовсе батей стали звать. Из-за возраста меня вскоре определили в команду коноводов. В конной атаке мы вместе со всеми, а в пешей забираем коней и уводим в укрытие. При арналётах и бомбёжках кони тоже на нашей ответственности. Хлопотное, очень тяжёлое дело, враг всегда стремился в первую очередь конский состав положить, поэтому забот хватало, и смертность среди коноводов была высокая, как и среди коней. Моего Бека также подстрелили – с самолёта. Тогда у нас целая бойня получилась, около сотни коней полегло. Это когда битва под Москвой разгоралась, немец остервенел, бомбами забрасывал по несколько раз в день. Куда мы только ни прятали коней – бесполезно.

Перед уходом на передовую к нам в дивизию прибыл Семён Михайлович Будённый. Лично я его близко так и не видел, в строю стоял во второй линии, а он далеко, напутствовал нас. С тем мы и ушли воевать. Это был уже январь 1942 года. Как раз где-то в это время неожиданно умер наш командир дивизии, и прислали другого по фамилии Чаленко. Говорили, что он личный друг Будённого, вместе воевали в гражданскую.

Нас сильно мучили глубокие снега. Враг атаковал часто, воевали пешим строем против пехоты и танков, поэтому кони гибли массой. Удерживать их в укрытии не было никакой возможности. Тогда было принято решение отвести конский состав глубже в тыл. Нам дали строгий приказ: сохранить коней во что бы то ни стало, ценой своих жизней.

Январь 1942 года оказался очень морозным, а мы – в лесу. Тогда было много обморожений. На ночь выкапывали ямы в снегу на полметра, сооружали навес, забрасывали ветками и все вместе спали. Да так тесно ложились, что поворачиваться с боку на бок можно было лишь одновременно. Телу-то тепло, а ноги мёрзли. Днём – нога об ногу, а ночью из сапог вытекает, и они вместе с портянками к ногам пристывают. Недели две так было. Правда, удалось съездить в деревню и помыться в бане.

А вскоре приказ: двигаться вперёд на Воронеж, затем – на Луганск. Опять полк сел на коней. За нами шли танкисты, связисты, медики. Шли с боями. Под станцией Бутурлиновской я получил пулевое ранение в ногу и до лета пролежал в госпитале.

А в конце лета наша 73-я сибирская дивизия вошла в состав 55-й кавдивизии, сменила её и приняла её номер. Рядом с нами постоянно находились казаки-башкиры. Вот уж великолепные бойцы, совершенно бесстрашные! Но и мы, сибиряки-алтайцы, не подводили. Особенно летом в оборонительных боях навострились бить немца из окопов по-снайперски. Мы же таёжники, все как один – охотники, нам это ничего не стоило. Командиры хвалили: “Вот, сукины дети, алтайцы! Что клинком, что пулей!”

Осенью 1942 года весь наш 8-й кавалерийский корпус из трёх дивизий двинулся на Дон.

На нас возлагали задачу прорыва под Сталинградом и чистку тылов противника.

Дон встретил нас неласково – снарядам и пулей. Перед нами были румыны. Народ трусоватый, чуть что – руки поднимал, но пуль они не жалели, били густо. Немец – он в любом случае драться будет. Они в этом на нас похожи, русских – жутко в драке заводные; позже, в Польше, мы с немецкими уланами в сабельную остервенело схватывались, и тогда я понял, что немец – рубака что надо, он не уступит, его только разить, или он тебя. А румын – нет, он и не лезет, и не бежит. Он или падает и руки тянет, или голову закрывает и кричит: “Хорош, хорош! Я румын, брат!” Конечно, они воевать не хотели, их силой гнали.

Но в Усть-Медведице на Дону они крепко засели. Мы несколько атак положили, и если бы не наши танки, долго бы ещё кровью умывались. Танки на-

шого корпуса подошли и в упор расстреливали их в ключья. А уж мы добивали и брали станицу.

С Усть-Медведицы дело под Сталинградом и пошло. На запад пошло. Мы действовали совместно с танкистами и пехотой. Это усиливало натиск. Танки проложили нам дорогу через фронт, и мы лавами тремя кавалерийскими дивизиями ушли в тыл противника.

Масса ретивых боевых коней и злых, потных конников с оголёнными шашками наводили ужас на румын и немцев. Как пройдемся вдоль села, где они квартируют, да как посечём с ходу десяток-другой, да ещё с гиканьем, так они чёрными тараканами от нас во все стороны разбегаются. А вечером сидишь у костра, жмёшься к огню и отогреваешь клинок шашки, чтобы очистить его от намерзшей крови. И так почти каждый день. Страшно уставали. Да ещё простуды начались, чирьи стали мучить.

В таком рейде плохо то, что обоза с тобой нет, он отстаёт. Пшено, сухари, сало — при тебе, на вьючных лошадях — овёс. Снег уже лежал повсюду, но его глубина позволяла коням копытить жухлую осеннюю траву. Но не хватало и им, и нам. Выручали только трофеи. Порой специально вырубали немцев в деревне, чтобы только пожрать да в домах погреться и отоспаться.

Вообще лихие у нас бойцы были. В основном молодёжь, кровь играет, руки сильные, шашка как влитая лежит. И на скаку хорошо из карабина стреляли. Тренироваться было где, вот только патронов не хватало, приходилось всё больше на клинок брать. А клинок у шашки доводили ремнём, что бритву. Махнёшь — и как в масло, сама идёт.

А от Сталинграда наши уже пошли восток. Навстречу тоже шли, сближение стало неизбежным, мы проделывали дыры в тылу противника, обескровливали его, пугали. В самых неожиданных для него местах появлялись. Авиация постоянно за нами охотилась, но удавалось в основном уходить. Румыны стали полностью деморализованными. Мы забирали у них оружие, строили и отпускали “за горизонт”. Их там немцы ловили, опять вооружали и тоже гнали за горизонт, но уже в нашу сторону. Тогда уж они сами разбегались, потому что мы грозили: если ещё раз с оружием в руках пленим — перебьём.

Дважды, кажется, крепко схватывались с моторизованной пехотой немцев. Но эти клали нас хорошо, хотя, как всегда, выручали смекалка и натиск сибиряка.

Долго мы так воевали. Уходить бы уже надо, сил не осталось, а нам всё приказа не дают. Как-то в очередной раз эскадрон опять спешился. Нам оставили коней, а хлопцы в атаку пошли. Мы спрятали коней поглубже в лесу. Наш эскадрон опять обескровел, поэтому выделил только двоих коноводов, и мы с товарищем намучились с табуном, прежде чем наступил вечер. Но тут пришёл связной и огорошил:

— Нет вашего второго эскадрона, всех до единого побили. И вы уходите, немец прёт прямо сюда, озверел весь. И наши от Сталинграда навстречу прут. Сейчас тут молотилка будет.

— Но как коней оставить?

— А вот так. Приказ!

Что делать? Как коней бросить? Напарник тянет:

— Уходим, Степан. Спешить надо.

Берём в повод несколько коней и уходим.

А я смотрю: в снегу валяется целенький немецкий пулемёт. Нет, думаю, с ним-то я коней выведу.

— Давай, — говорю напарнику, — распутывай коней, гони к нашим, а я прикрою.

Но не успели — налетел немецкий пикировщик. Сразу застрочил, кони забились, стали падать. Мы с напарником прыгнули в какую-то старую траншею. Я к борту что есть силы прижался. Очередь сантиметров десять выше моей головы прошла. Я начал по немцу стрелять. Он бы, может, и ушёл, а тут развернулся и опять на нас. И мне вновь угодило в правую ногу. В ту же, что лечил, чуть ниже. А напарнику руку и грудь пробил. Сразу его и убило...

Я голову поднял, завозился, силясь сапог снять, а самолёт опять на меня. Я снова его из пулемёта, да никак у меня не получается. Раз шесть мы с ним на дуэль выходили, потом он отстал.

Живые кони ушли куда-то спутанными. Только один раненый жеребчик всё мучился, стонал.

Я долго напарника по голове гладил, уж больно жалко было казака, земляка, фамилию теперь уж не вспомню, он из новеньких был, только призвали перед походом на Дон, но тогда помнил и документы его забрал, позже отдал куда надо.

Совсем стемнело. Слышу: русская речь. Слава Богу! А я голодный и от потери крови ослаб, в сон клонит. Да ещё холодно, где-то минус десять, не меньше. Кричать боюсь, а наши не идут, не ищут. Так всю ночь в полузабытьи и пролежал. А как рассвело, решил ползти. Слышу: опять голоса. К костру выполз. Наши бойцы сидят, из боя вчера вышли, отдыхают. Похудевшие, обтрёпанные.

— Алтайцы?

— Они! Какого эскадрона, товарищ?

— Второго. С конями я был.

— Ты, похоже, один остался, ваших положили, искрошили всех, эскадрон-то прямо на пулемёты вышел, засада была, а место открытое.

Тут их лейтенант подошёл, спрашивает:

— Не ты вчера самолёт из пулемёта зацепил?

— А разве зацепил? — удивился я.

— Зацепил! — начали меня хлопать по плечу бойцы. — Он и улетел сразу.

Мы видели, как ты врезал ему в боковину. Вот, думаем, молодец, не испугался!

— Раз так — это ему за товарища моего и побитых коней. Там, в траншее напарник мой остался, тоже коновод. Вы бы схоронили его, хлопцы.

— Фамилия ваша, товарищ боец? — спрашивает лейтенант.

Я сказал. Он всё записал, и про напарника тоже, и про самолёт, и ушёл.

Я спрашиваю:

— А чего сидим так спокойно, как будто бы и не в тылу у немца? Выходить надо.

— Уже не в тылу, — засмеялись хлопцы. — Вчера немца далеко отбросили. Сталинградцы прут, не остановишь. Мы теперь в нашем тылу, Степан Филиппович!

Вскоре их на построение позвали. Стали мы прощаться.

— Поправишься, догонишь, — говорят хлопцы. И на всякий случай мне бумажки суют с фамилиями и адресами. Все — алтайцы да кузнецкие, земляки. Каждый надеется: вдруг мне отпуск дадут или подчистую спишут, приеду, расскажу его жене и детям, как живого видел.

— Я за подводой послал, — сообщил мне лейтенант. — Увезут тебя в госпиталь. Так что сиди, жди.

Весь день я просидел. Тихо стало, лишь самолёты немецкие — туда-сюда.

Тут связисты катушку тянут. Мне говорят:

— Ползи по проводу, как раз к штабу Башкирской кавдивизии попадёшь, а там отвезут к медикам. Ваши, алтайские, уже вперёд ушли.

Я пополз. Дорога на пути попалась. Я поднялся, по ней пошкандылял, опираясь на карабин и шашку. В штабе подводу дали. И повезли меня в госпиталь. А там все выпившие, радостные. Только и слышно: прорыв, прорыв! Сталинградскую пробку наши окончательно прорвали, два фронта встретились, погнали немца на запад, и в котёл взяли целую армию. Как тут не порадоваться! Налили и мне.

— Вам, конникам, поклониться надо, — говорит военврач. — И танкистам поклониться. В эти-то холода, да при вашем натиске вы его и сломали. Вон, танкистов к нам везут — чёрные, как головешки. А все в бой рвутся. Сознания нет, обгорелый, а всё друга зовёт, заводи, говорит, вперёд надо, сталинградцы ждут, часы считают. Вот ты сибиряк! Какие же вы крепкие да надёжные, сибиряки! Цельный народ, одним куском кованный. За вами страна, как за стеной. А башкиры! А наши, украинцы, а белорусы! Да что говорить, весь наш народ теперь — крепкий кулак, не разожмёшь!

И снова мне подливает — я самый лёгкий из раненых оказался, меня и тискали. А перед операцией ещё дали. Проснулся я уже в чистых бинтах. Ногу мне спасли, но болит всю жизнь, в непогоду криком кричу... И не только от ноги кричу, ведь и душа болит, а ей ещё больнее — столько навидался за годы войны. Кавалеристам всегда тяжело: рубки страшные были, глаза в глаза, сатана меж нами постоянно крутился, только крепостью духа да крестом

нательным, завёрнутым в материнский платочек, и держались. Да крепкой рукой опытного рубаки.

После госпиталя догнал я свой полк, сел на коня. И как раз вовремя при- был. Опять наша дивизия вместе с Башкирской в прорыв вошла. Это уже фев- раль 1943 года. Наш второй эскадрон полностью обновился. Хлопцы в ос- новном с Дона, на месте призваны, молодёжь зелёная, но казачья, лихая. Тогда-то они меня и стали батей называть и Филиппычем – я единственный от прежнего эскадрона, да и под сорок мне было, седины много появилось.

Прорыв неудачным получился. Ушли мы без танковой поддержки, да и обозы порастеряли. А в них не только продовольствие, но и боеприпа- сы. И опять пришлось брать врага в основном на клинок. Неожиданными уда- рами нам удавалось уничтожать одно немецкое подразделение за другим. Но воткнулись в село Чернухино, где в атаке полёг целый эскадрон разведчи- ков нашего полка. Чернухино вообще запомнилось нашими сплошными не- удачами. Спасла положение соседняя горно-кавалерийская дивизия. Они от- резали противнику железную дорогу между Дебальцево и Ворошиловградом, оставив его без боезапаса и подкрепления. И только тогда мы всеми силами навалились на Ворошиловград и вошли в него.

Мы двумя эскадронами остановились на краю города в частном секторе. Люди встречали нас, как героев, у некоторых даже стопочка-другая на- шлась. Спать улеглись по сараям, офицеры ушли в дома по приглашению хо- зяев. А утром вдруг прискакал из штаба полковник Макаров и объявил пост- роение. Коней держали в поводу. Стояли смирно. Макаров был серьёзен. Громко зачитал нам приказ Народного комиссариата обороны о том, что наш 8-й кавалерийский корпус за героизм, проявленный в боях за советскую Ро- дину, переименован в 7-й гвардейский кавалерийский корпус. Мы стали гвардейцами! Дружно закричали “Ура!”

– Но это ещё не всё, – громко и радостно сказал полковник. – Все три наши дивизии получают тоже другие, потому что это гвардейские, номера. Сибиряки получают номер 14, алтайцы – 15, башкиры – 16. Теперь вы гвар- дейские кавалерийские дивизии и полки! И скажу по секрету, рассматрива- ется вопрос о присвоении нам наименования казачьих кавалерийских диви- зий. Пока рассматривают, так что рано радоваться. А вообще, молодцы, хлопцы! Поздравляю!

И пошёл обнимать командиров дивизий и полков. Мы опять дружно кри- чали “Ура!”

Подъехал обоз, раздали водочку, накормили. На сердце радостно, гор- дость в душе. “Вот мои узнают, что я теперь гвардеец”. Все дружно сели пи- сать письма.

Но тут появилась немецкая “рама”. Скинула листовки прямо нам на голо- вы. Под русским текстом подпись Манштейна. “Хотите скрыть свой разгром путём переименования в гвардейцев. Не выйдет. Мы вас истребим. Предла- гаю сложить оружие и прекратить сопротивление. Штыки в землю”.

Ах ты, сука! И ведь как быстро узнали. Но бумага хорошая, мягкая, как раз для подтирки. Бойцы брали горстями. Где ещё такую возьмёшь?

К вечеру нам в тыл вышла немецкая мотопехота. Мы спешили. Я, как старший коновод эскадрона, с двумя помощниками погнал коней в лес. Хлоп- цы залегли к обороне. К темноте немецкую атаку отбили. С рассветом атака повторилась. Подошли немецкие танки. У соседей в 14-й дивизии полностью полёг 1-й эскадрон, была разбита артбатарея полка. Ребята бросались под танки с гранатами. Стало горячо. Мы отошли к Чернухино и всем корпусом за- няли круговую оборону. Манштейн и вправду озверел, держал слово.

Немецкая разведка коней нащупала. Артиллерия стала бить по нам при- цельно. Меня контузило, ничего не слышу. Кажется, и глаза вылезли. Тут прискакал личный коновод командира эскадрона, кричит, а я не пойму. Тог- да он пишет на немецкой листовке: “Гони коней как можно дальше, спасай. Жизнью ответишь”.

Так это и так понятно. Погнали мы табун подальше от взрывов. Навстре- чу немцы, человек пять. Мы с хлопцами вынули шашки, да на них. Они шты- ком, мы клинком. Со злостью порубали всех. У нашего Василия, кажется, Огородова, только рана штыковая в плече, а так ничего.

Ушли далеко. Но это же Донбасс – ни лесочка, ни кусточка, авиация нас видит, как на ладони. Снег глубокий. Как можем, понукаем табун, гоним.

Только слышно, что в Чернухино дерутся: взрывы, выстрелы. Тяжело там хлопцам. Позже они рассказывали, что немец всё прибывал и прибывал: и мотопехота, и танки, и артиллерия. Наш корпус оказался практически в кольце. Боеприпасы заканчивались. Командир нашей 15-й дивизии полковник Чаленко предложил командиру корпуса не обороняться, оставить Чернухино и ночью уйти, пока кольцо не закрылось. Так и сделали. Шли без коней, по пояс в снегу, но вскоре догнали нас. А у нас все кони не только нашего полка, но и башкир, мы постепенно нашли друг друга и гнали огромный табун в тысячу голов, а то и больше.

Наша 15-я кавдивизия прикрывала отход корпуса, поэтому я не сразу понял, где же наши алтайцы, неужели все полегли? Но вот и Чаленко на коне!

— Смышляев, ты? Кони с тобой? Молодцом! Сгоняй сюда, ребята на походе!

Я задёргал головой, и тут понял, что слух вернулся, контузия прошла. Хлопцы сели на коней — и вперёд! Одним рывком ворвались мы в Стрюково.

Я читал, что после войны в Чернухино поставили памятник конногвардейцам. Сам там не был, не видел, и фото не видел. Но если так, то это справедливо. Чернухино стало для нас действительно геройским и трагическим местом. Ведь чуть весь корпус там не потеряли. Вот вам и Манштейн, собака! Вцепился, еле оторвался.

Но, увы, и в Стрюково нас догнал Манштейн. Окружил с высот. Наша дивизия пошла в бой, частично на клинок. Шёл и я. На высотах они поставили артиллерию, и мы её вырубали. Только спустились в Стрюково, как показались немецкие танки. Пришлось отходить опять. Наша дивизия шла в авангарде и первым — наш второй эскадрон. Уж больно боевым и энергичным, да и везучим был наш командир эскадрона гвардии старший лейтенант Макареня. Ему и доверили. Шли к посёлку Артём, наткнулись на танки. Сами танкисты обедали, мы на всём скаку их и положили. Потом подсчитали, что это была танковая рота, убитых немцев было более сотни.

Не задерживаясь, мы устремились в Красный Кут. Село огромное, немцев полно, но мы подошли поздно вечером, они отдыхали. Наш Макареня без задержки дал клич, и мы рванули по селу, вырубая часовых и всех, кто выскакивал на улицы. У них началась паника. Подошли наши эскадроны других полков, подтянулись артиллеристы и миномётчики. К ночи село стало нашим. Пленили и целый штаб пехотной немецкой дивизии, разбили несколько самолётов, уничтожили учебный артиллерийский батальон фашистов. Взяли мы и ценный для нас трофей — отбили у немцев около трёх сотен их коней.

В Красном Куте мы сутки отдыхали, с честью похоронили погибших товарищей.

А через сутки опять бои. Донбасс помнится сплошными боями. Что ни село, что ни городок — полон немцами: то пехота, то танки, то артиллерия, то кавалерия. Бои, бои, бои. И мы одни, мы в тылу, мы в рейде. Сейчас, по прошествии многих лет многое слилось в одну общую тяжёлую картину. К тому же тогда у меня кончилась бумага, и я долго не записывал, но прежние записи хранил, а позже переправил с раненым товарищем домой; всё, что до Красного Кута, у меня сохранилось, поэтому я так подробно сейчас пишу. Дальше — только воспоминания.

Хорошо помню Штеровку, где мы попали в кольцо автоматчиков, которые не давали поднять головы. Хорошо, что мы, коноводы, нашли глубокую балку и в неё загнали коней всей дивизии. Коней сберегли, а вот хлопцев много погибло.

Чаленко выстроил дивизию в цепь. Показался противник. У нас были две “Катюши” и зарядов на один залп. После удачного залпа немцы залегли. Понеслась команда комдива: “По коням!”

Мы тут же подогнали коней, бойцы попрыгали в седла, не разбирая, чей конь.

“Шашки к бою! — гремел голос Чаленко. — За мной, галопом марш!”

И первыми он и его заместитель гвардии подполковник Бабий понеслись на врага. Вскоре сабельники обогнали их, прикрыли. Те, кому коня не досталось, держались за стремяна скачущих коней и бежали рядом. Загремели пулемёты врага. Но нас уже было не остановить. Мы врзались в их ряды и с остервенением стали рубить. Хлопцы бросали в машины противника бутылки с горячей смесью. Немец запаниковал и побежал. Мы вырвались в глубокую

и протяжённую балку и ушли по ней к Ивановке. Здесь узнали, что почти весь командный состав нашего 7-го кавкорпуса погиб. Да и от нас остались жалкие осколки. Командование корпусом взял на себя гвардии полковник Чаленко. Из остатков корпуса он сформировал три полка. Наша дивизия стала полком под командованием капитана Олейника. То же произошло и с 16-й дивизией, там получилось два полка. 14-я дивизия нашего корпуса действовала отдельно, и мы не знали её судьбы.

Необходимо было выходить из прорыва, иначе мы могли все погибнуть и остаться здесь, в тылу врага, безвестными солдатами. Атака за атакой. Нас оставалось всё меньше. Вскоре и коней практически не осталось. Дрались штыком и клинком, патронов уже не было. Хорошо, если кто-то придержал гранаты.

Многие вышли к партизанам и остались с ними. Но ещё больше наших товарищей попало в плен. Многие затем бежали. Были и такие, которые попали в лагеря в Германии и Франции, а сбежав, участвовали в сопротивлении и показали себя героями. По-разному сложились судьбы конников 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Позже мы узнавали о героизме отдельных групп, прорывавшихся к нашим. Прорывались и мы во главе с Чаленко. Я чудом оказался в его группе, потому что сильно простыл, температурил, задышался, сил не было, и лекарь, само собой, не было. Чаленко уважал меня, как умелого и опытного коновода, сохранившего сотни и сотни боевых коней, ценил, в шутку называл то Смышляичем, то Мудряичем, поэтому приказал, чтобы меня не бросали.

Нам навстречу шли передовые части 3-й гвардейской армии. Они спешили помочь нам вырваться, перейти фронт. И вскоре мы встретились. Но при последнем прорыве погиб любимец конников, командир 16-й Башкирской кавалерийской дивизии генерал Шаймуратов. Был ранен Чаленко, сильно ранило подполковника Бабия, и мы по очереди несли его на себе.

Позже этот наш тяжёлый и трагический рейд по тылам врага получил наименование Дебальцевского рейда. Из него вышли немногие, но знамя корпуса вынесли, чести не потеряли.

Весь март 1943 года мы находились во втором эшелоне и приводили себя в порядок. Корпусом теперь командовал генерал-майор Шарабурко, а наши гвардейские полки получили пополнение и новую нумерацию. Наш полк стал 55-м сабельным полком 15-й гвардейской Алтайской кавалерийской дивизии. Меня опять назначили старшим коноводом нашего 2-го эскадрона. Пополнили наш корпус в основном конники расформированного из-за больших потерь 4-го кавалерийского корпуса. Там было много туркменов, узбеков и казахов, корпус и формировался, по-моему, где-то в Ташкенте или Алма-Ате. После слияния двух корпусов опять сменился командир нашего уже общего 7-го кавкорпуса. Им стал генерал-майор Малеев. Наш командир дивизии Чаленко тоже получил генерал-майора. Обмывать погоны пригласил и меня – не так уж и много нас осталось в дивизии из тех, кто дошёл сюда от Шатуры с 1941 года. Да и выходили мы из кровавого Дебальцевского прорыва вместе, стали практически товарищами.

Всё лето мы обучались, притирались друг к другу и готовились к дальнейшим боям. В конце августа 1943 года корпус вошёл в подчинение Центрального фронта, конкретно – 61-й армии – и прибыл железной дорогой под город Львов. Вскоре нам поставили задачу по освобождению Левобережной Украины. В первую очередь надо было наступать на Чернигов и форсировать Десну.

Нашему 55-му полку необходимо было захватить железнодорожный мост возле города Щорс и удерживать его до подхода частей, которые шли на Чернигов. Что мы тогда и сделали. Бой за мост был ожесточённым. Не менее жаркими были и схватки при удержании нами моста. Таким образом, мы внесли свой вклад в овладение советскими частями городом Черниговом.

После завершения Черниговской операции перед нами был Днепр. Предстояло выполнение тяжелейшей задачи – форсирование могучей реки. Сначала поступила команда тщательно подготовиться к форсированию, изготовить плавсредства, получить лодки и понтоны от командования пехотных частей. Но верхние командиры почему-то решили ускорить переправу и дали команду форсировать немедленно. Причём первыми должны были пойти мы, конники, захватить плацдарм на правом берегу и удерживать его, продвигаясь к Речице.

Тут же застучали топоры, делали плоты из всего, что попадало под руку. Неподдалёку были брошенные деревни с разбитыми домами. Бревна и доски пошли в ход. Хорошо, что наш берег был густо заросшим высоким кустарником, и противник долго нас не обнаруживал. Ширина Днепра — около полукилометра, глубина, как оказалось, — 5-6 метров.

К каждому плоту привязывали длинную верёвку, конец которой оставался на берегу. Это для того, чтобы плот можно было вернуть для следующего рейса. Я же нашёл себе пустую бочку из-под горячего, привязал к ней длинную доску, а к ней — коня, чтобы он был спрятан за бочкой.

Первыми пошли сибиряки из 14-й кавдивизии, за ними башкиры и мы, алтайцы. Сибиряки дошли до правого берега скрытно, без единого выстрела, а когда завязали бой, захватывая плацдарм, немец стал освещать реку и ударил по ней из артиллерии. Мы пошли уже под пулями и снарядами. Вода просто кипела. Моя бочка не крутилась только потому, что я привязал к ней доску. Конь мой плыл спокойно, на разрывы не реагировал. Я держался за уздечку. Попону ещё на берегу свернул и тоже привязал к доске, как и вещмешок.

Но вот немец применил минометы. Плоты разлетались в щепки, люди и кони гибли массами. Кувыркнуло и мою бочку, доска от неё отвязалась и поплыла вниз вместе с моими вещами. Мы с конём поплыли сами. Вскоре вышли на мель, отдохнули, поплыли дальше. До берега оставалось немного, когда мина ударила прямо перед мордой коня. Меня спасло то, что я был за его крупом. Конь мой погиб, а я всё же выплыл. Без сил распластался на камнях под высоким обрывом. Здесь была мёртвая зона, можно было расслабиться. Но недолго. Подплывали другие бойцы и командиры, торопили.

Этот кусок берега был уже наш, сибиряки его удерживали, хотя немец активно контратаковал. Всех выплывших коней оставили под берегом, в мёртвой зоне. Я, как старший коновод, выпросил у командира какого-то башкирского эскадрона трёх конников, и мы стали собирать коней и сгонять их под кручу. Остальные ребята стали забираться наверх, на крутой берег и вливались в ряды воюющих сибиряков.

Всё больше и больше выплывало наших к берегу. И кони пошли массой. Это радовало. Следом стали подходить плоты и понтоны с артиллерией и миномётными расчётами. Пришла и кухня, а там и фураж. Значит, мы форсировали Днепро-батюшку! Значит, наша взяла!

Но немец наседал. Оборону он выстроил заранее, пробить её было не просто. Но когда за дело взялись наши миномёты, враг дрогнул. Тогда и настало время сабельников!

Я не поэт и никогда не пробовал сочинять, но немногим позже, когда бои на Днепре немного стихли, я спустился поздно вечером к воде, сел на валун, и в голову стали приходить строчки, которые я записал. Они у меня сохранились. Нескладные, зато из души излились прямо после боев:

*Ой, Днепро, Днепро, ты широк, глубок!
По тебе, Днепро, вода серебристая идёт.
Но вот навязался лихой враг
И замутил воду Днепра,
И сейчас по Днепру вода с кровью идёт.
Но наша русская страна велика и сильна,
Пошла на зачистку Днепра
И погнала врага от берегов Днепра.
Наши танкисты смелы, и танки быстры,
И пушки метки, и конники лихие.
И заблестели клинками, погнали врага
С нашей русской земли.
И загоним в Берлин, в берлогу его,
Победим и скажем ему:
— Не топчи русскую землю,
Не мути воду Днепра.
Посмотри на Днепро —
Какая вода чистая да серебристая стала.
И теперь ходят люди на Днепр,
Чтобы освятить себя его водой да напиться,*

*Да умыться, чтобы здоровой была душа.
Пусть Днепр святой мирно течёт,
А берега его всегда будут в цветах.*

Нашему полку была поставлена задача войти в рейд в районе села Колыбань и бить противника с тыла. Но немец не дал нам возможности пробить фронт и сам стал активно контратаковать. 2 и 3 октября наш 2-й эскадрон отбил несколько яростных немецких атак. Мы и сами несколько раз переходили в атаки, но ни он нас, ни мы его сдвинуть с места не смогли. К тому же между нами была железная дорога, открытое место, перескочить её не получалось. В одной из наших пластунских атак на железную дорогу погиб смертью храбрых наш доблестный командир эскадрона гвардии капитан Макареня. От самого Дона он командовал нами. Лихой, везучий и справедливый был командиром, мы его любили. Хоронили и плакали. Командование нашим 2-м эскадром принял гвардии лейтенант Тюрин.

Неожиданно 3-му эскадрону нашего полка удалось с боем пробиться на другую сторону железной дороги. Они закрепились там и дали возможность остальным перебраться через «железку». Немец остервенел и наседали с удвоенной силой. Выручали наши пулемётчики, «максимам» работы хватало. Но немцы подогнали бронетранспортёр, и он своими пулемётами не давал нам поднять голов. Тогда и отличился туркмен, гвардии старшина сабельного эскадрона Ораз Аннаев. Он подполз к бронетранспортёру и взорвал его связкой гранат. Однако погиб и сам. Ораз стал первым Героем Советского Союза из нашего корпуса. Но об этом я узнал уже после войны. А тогда мы и фамилии его не знали, говорили, что какой-то боец из туркменов собой подорвал бронетранспортёр.

Так мы и не смогли уйти в прорыв на Речицу. Вскоре нам на смену пришла пехота, а нас, весь корпус, переправили на понтонах назад, на левый берег Днепра и отправили на отдых. Здесь мы узнали, что у корпуса опять сменился командир. Малеева перевели в Москву, а 7-м конногвардейским корпусом теперь командовал генерал-майор М. П. Константинов. К концу войны у меня скопилось много письменных благодарностей за его подпись. Он же вручал мне и орден Красной Звезды за форсирование Днепра и удержание плацдарма. Тогда многие наши бойцы и командиры получили награды. Одних только Героев Советского Союза в корпусе стало 75 человек.

В конце октября 1943 года нас переподчинили 65-й армии и опять переправили на правый берег Днепра в районе города Лоева. В результате нескольких ожесточённых сабельных атак мы взяли хутор Смелый.

В один из ноябрьских дней нам приказали приготовиться в прорыв в тыл врага. Мы приготовили коней, обозы, артиллерию, медиков и рано утром, сосредоточившись в лесу, сели в седла, ожидая команды. Наши начали долгую артподготовку, затем в бой пошли пехота и танки. Они прорвали фронт, немец отошёл, и мы на рысях, без задержек ушли в прорыв. Не останавливаясь, мы брали хутор за хутором, село за селом, вырубая немца подчистую. К ночи вошли в Бабичи, и только здесь наш полк встал на отдых.

Тем временем враг оправился от наших внезапных ударов, и дальнейшее наше продвижение уже не было столь быстрым и успешным. Теряя товарищей и боевых коней, мы всё же шли вперёд, освобождая село за селом. Не было дня, чтобы мы не входили в какой-либо населённый пункт. Правда, несколько дней выбивали врага из укреплённого Зашебья. Дело решили артиллеристы нашего 55-го полка.

Этот наш прорыв был удачным. Следом за нашим корпусом шли пехотные и танковые части 65-й армии. Вскоре они догнали нас, и мы, сдав им занятые нами рубежи, встали на отдых в селе Новинки. Здесь мы получили хорошее пополнение и в людях, и в конском составе и опять ушли в подчинение 61-й армии.

Сразу после новогодних праздников, в первых числах января 1944 года мы совершили почти стокилометровый марш до хутора Красный, откуда ушли в очередной прорыв в тыл врага. Нашей целью был Мозырь.

В Полесье активно действовали партизаны, поэтому фашисты сожгли здесь все сёла и хутора, сожгли мосты, а дороги заминировали. Это затрудняло наше продвижение. Находясь в тылу врага, весь наш корпус стал теперь тоже своеобразным партизанским отрядом, правда хорошо вооружённым

и с артиллерией. Параллельно с нами здесь действовал и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Доватора, таким образом, силушка у нас была могучая.

Но неожиданно наступила оттепель, дороги поплыли, наши обозы встали. Брички по самый верх колёс тонули в грязи, кони выбивались из сил. К тому же приходилось восстанавливать мосты и строить гати через болотистые местности, которые встречались повсеместно.

Корпус практически полностью спешился, и коней передали нам, коноводам. Этот огромный табун кормить было нечем. А тут от пленных немцев была получена информация, что впереди нас ждут немецкие кавалеристы полка “Митте” численностью до 3 тысяч сабель. Пришлось собрать весь наличный овёс, чтобы вволю подкормить коней хотя бы одной дивизии – 14-й, которая в результате схватилась с немецкими уланами в Прудках. Позже ребята рассказывали, что немец в сабельной атаке мастак, но у них кони – битюги, малоподвижны, перекармливали они их. В результате наши наголову разбили полк “Митте”, чем необычайно гордились. Правда, и у нас потери были большими.

Их оставшиеся живыми битюги влились в наши табуны, и при отсутствии добрых харчей вскоре превратились в прекрасных, поджарых боевых коней. Тем более что многие из них были забраны немцами у белорусских крестьян.

Наш неожиданный выход из лесов и болот, да при нашей огромной численности, да ещё после взятия Прудков и разгрома полка “Митте” посеял у немцев страх и панику. Они отступали, выставляя только заслоны, которые мы легко подавляли. Вскоре вышли к окраинам Мозыря. Здесь мы узнали, что наш корпус непосредственно и напрямую подчинили 1-му Белорусскому фронту.

Немец переправлялся через Припять, выставив на нашем берегу перед железнодорожным мостом сильнейшую группировку, с которой мы провозились несколько дней. Вместе с нами воевали белорусские партизаны. Сил у нас хватало, и мы постепенно отрезали немцам все пути отхода, а башкиры форсировали Припять и били немца на другом берегу.

Вскоре наш 55-й кавполк при содействии партизан вошёл в Мозырь. Город оказался сплошь заминированным, поэтому наше продвижение в уличных боях сильно тормозилось. Выручали партизаны-минёры. А тут ещё и плотный снегопад начался, упала видимость, хлопцы шли вслепую.

Мы с табуном стояли на окраине, ожидая команды. Кузнецы, не теряя времени, перековывали коней. Слышно было, как гулко била артиллерия – и наша, и противника. Стреляли, похоже, наугад.

Двое суток наш полк, партизаны и стрелки 415-й дивизии брали улицу за улицей и вскоре вышли на противоположную окраину города.

В это же время наши соседи из 14-й и 16-й дивизий овладели станцией Мозырь, перерезав немцам железную дорогу.

Что мы увидели в Мозыре, не поддается описанию. Это сплошные блиндажи и окопы. Настоящая крепость. Всё это делалось руками пленных и жителей Мозыря. Как они радовались приходу Красной армии! Даже нам, на окраину, где мы держали коней, женщины принесли молоко и хлеб и рассказывали, как тяжело им жилось в оккупации, сколько молодых девчат немец угнал в Германию, сколько расстрелял парней и мальчишек.

– Дядечка, вы теперь не уйдёте? – со слезами спрашивала меня одна из женщин.

– Да не уйдём, милая, не уйдём, – успокаивал я её. – Всё, конец немцу, гоним мы его в берлогу!

Но мы ушли. Закончился наш рейд. В Мозыре остались стрелковые части и танковая рота. Во время недолгой передышки мы узнали, что нашим 14-й и 15-й гвардейским кавалерийским дивизиям присвоено почётное наименование Мозырских. А 16-я Башкирская гвардейская кавалерийская дивизия стала Краснознамённой.

Всё-таки я запустил, не залечил свою простуду, она постепенно переросла в двустороннее воспаление лёгких, и меня отправили в армейский госпиталь. Болезнь протекала тяжело, я буквально задыхался, думал, что и не выкарабкаюсь, плохо ел, потерял в весе, но лекарства и уход сделали своё дело, через месяц я пошёл на поправку.

Наш корпус тем временем находился в резерве 2-го Белорусского фронта, и я легко нашёл свой полк после выписки из госпиталя. Буквально перед моим приездом корпус посещал маршал Семён Михайлович Будённый, и я

долго сожалел, что не застал и не увидел его. Медаль “За боевые заслуги” мне бы вручил он, как вручал многим нашим бойцам и командирам, а теперь передал её мне командир полка гвардии майор Мишуков. Но при этом пояснил:

— Из рук маршала Будённого. Гордись, Степан Филиппович!

Всю весну и часть лета 1944 года мы вели ожесточённые бои под Ковелем. Немец там зацепился крепко, и 1-й Белорусский фронт, которому нас подчинили, теряя силы, пытался выдавить его за речку Турью. Речка-то — пустяк, а форсировать её не получалось. Здесь мы не раз схватывались с немецкими егерями и венгерской пехотой. В результате встали в оборону и до мая сдерживали натиски противника.

Коней мы отогнали подальше, и они вволю паслись на свежей траве. Хотя в этом был плюс. А хлопцы дрались пешими, укрепившись в траншеях.

1 мая, зная, что у нас праздник, немец поднял авиацию и весь день, меняя самолёты, густо бомбил наши позиции и наших коней. В тот день мы потеряли много бойцов и треть конского состава. Как я остался жив, даже не знаю, — головы поднять было невозможно. И в это же время пошли немецкие танки. Хлопцам пришлось жарко. И только под вечер прилетели наши, схватились с немцем, подожгли несколько их штурмовиков и отогнали фашистских асов. Стало легче.

И всё же нам удалось переломить ситуацию, мы взяли Ковель и пошли дальше, а в июле в Белоруссии началась операция “Багратион”. Это я позже узнал об этой операции и её названии, врать не стану, а тогда мы просто кожей почувствовали, что наши затеяли большое наступление, и были рады этому.

К концу июля 1944 года наши 14-я и 15-я кавалерийские дивизии вышли к Западному Бугу с целью форсировать его.

— Постойм ещё хоть немного на родной земле, — говорили хлопцы, докуривая самокрутки. — За речкой — Польша. Как-то она нас встретит?

— Ясно, как. Огнём фашистов! — посмеивались другие.

Нашу переправу прикрывала артиллерия и зенитчики, отгонявшие “мессеры”, которые тут же налетели, словно оводы. Нашему полку выпало форсирование уже в сумерках, поэтому мы переправились вместе с конями относительно благополучно. Вышли на правый берег уже в темноте. Следом за нами пошли башкиры, затем танкисты и артиллерия на понтонах.

— Польша, братцы! — весёлым возгласом поддержал нас комиссар полка Байдаченко. — Освободили мы свою Родину, теперь наш долг освободить братскую Польшу и идти дальше, на Берлин!

Нашей дивизии была поставлена задача выйти на польский город Хелм. Не дожидаясь рассвета, мы сели в сёдла и пошли вперёд. Разведка докладывала, что немец быстрым темпом отходит. Сопrotивления не было, и к утру перед нами открылись окраины Хелма. Быстрой конной атакой мы вошли в город. Сопrotивлялись лишь отдельные группы автоматчиков, но нам удавалось их быстро ликвидировать.

К вечеру к командиру нашего гвардейского конного корпуса генералу Константинову прибыли генералы Войска Польского. Собрали и наших командиров дивизий и полков. Речь шла, как потом нам рассказал командир полка, о совместных боевых действиях. Звонили маршалу Рокоссовскому — командующему 1-м Белорусским фронтом, которому мы подчинялись. Маршал одобрил план Константинова преследовать противника, сев ему на плечи, до самого Люблина. Таким образом, мы, конники, далеко оторвались от основных сил фронта и действовали в глубоком тылу немца, пробивая в его обороне брешь. Первыми в Люблин ворвались наши танкисты и сабельники-башкиры.

В это время конники 14-й кавдивизии и танкисты освободили пленников немецкого концлагеря Майданек, который находился под Люблином. Мы позже встречали этих несчастных узников, колонны которых шли на восток, навстречу нашим. Были среди них и советские пленные. Изнурённые, отрешённые от всего, они только смотрели на нас полубезумными глазами и поднимали вверх два пальца: “Виктория! Спасибо!”

Наша 15-я дивизия как раз прошла на городок Майдан, чтобы перекрыть фашистам выход из Люблина на юг. 2-я танковая армия зачистила Люблин полностью, фашисты массово сдавались в плен.

За взятие Люблина наши 14-я и 15-я кавалерийские дивизии стали Краснознамёнными, а 16-я Башкирская дивизия была награждена орденом Суворова 2-й степени. И весь наш 7-й кавкорпус стал Краснознамённым.

В августе 1944 года мы всем корпусом заняли оборону широкой полосы в районе городов Голомб, Пулавы, Влосовице. Я перечисляю эти названия так легко, потому что они вписаны в благодарности от командира корпуса генерала Константинова. Тогда такие благодарности получили многие бойцы. Мы не дали немцу контратаковать и вернуться на прежние позиции вплоть до Люблина и даже Хелма, хотя он и крепко наседавал. Враг скопил здесь много танков и держал их на той стороне реки Вислы, которую нам предстояло форсировать.

Висла — река широкая, тот же Днепр. Нашим разведчикам из отряда гвардии старшего лейтенанта Козлова удалось перебраться на ту сторону, но немец обнаружил их на берегу, и они вернулись назад израненными и без “языка”. Их рейды не удавались ещё несколько раз. Мы все переживали за разведчиков. Козлов оказался настырным, и вскоре его группе и параллельно с ним группе гвардии старшего лейтенанта Дягилева всё же удалось уйти в тыл врага. На этот раз разведка удалась. Они несколько дней вели наблюдение.

6 ноября, как сейчас помню, перед праздником, разведчики снова ушли за Вислу на рыбацких лодках. После их сигнальной ракеты ударили по левому берегу наши “катюши” и артиллерия, постепенно переноса огонь вглубь обороны противника. Это была только разведка. После этого разведчики ещё не один раз переплывали реку. Тщательно изучалась вся оборона немца.

И всё-таки нам не досталось форсирование Вислы на этом участке. Мы передали свои позиции пехоте и в первых числах января 1945 года совершили марш в район города Войшин. Наш корпус включили в состав войск, которые должны были провести Варшавско-Познанскую наступательную операцию. Нам предстояло войти в прорыв и действовать в тылу противника. Перед нами опять была Висла, только уже в другом месте. Переправа прошла спокойно, корпус осуществил её без потерь. И тут же мы ушли в прорыв, проделав марш почти в сто километров. Наш полк вышел к какому-то городу, не помню названия, где мы взяли на клинки оборонявшегося противника и вместе с другим, нашим 57-м кавполком очистили город. Немец отошёл и напоролся на наших артиллеристов. Там завязалась рукопашная, из которой наши “боги войны” вышли победителями. А вскоре им на помощь пришли наши танки, которые окончательно добились врага.

Но это был временный успех. Враг опомнился, и вскоре прямо на наш полк вышло несколько десятков немецких танков с пехотой. Мы, коноводы, быстро собрали коней и угнали их в укрытие, а хлопцы ввязались в тяжелейший бой. Он был настолько тяжёлым, что после него бойцы вынуждены были пластами лежать, не вставая, — все силы ушли. Но ведь выстояли! Отличились наши артиллеристы, которые сожгли все немецкие танки. После этого боя в нашей дивизии прибавилось Героев Советского Союза.

Сев на плечи отступающего врага, наш корпус, в том числе и наша 15-я дивизия, вышел на берег реки Варта и с ходу форсировал её.

После этого нас направили на Варшаву. Мы шли с юга, со стороны городов Радом, Варка, Пясечно. Мощным кавалерийским наскоком всеми тремя дивизиями корпуса мы вошли в Варшаву, разгромив несколько опорных пунктов противника. Дошли до местечка Охота — запоминающееся название. Но увязнуть в уличных боях нам не дали, вывели на окраину и направили на город Калиш.

Нас наградили медалями “За освобождение Варшавы”, но это было уже после войны, специально вызывали в военкомат, и я горжусь этой наградой. А наша 15-я дивизия за Польшу была награждена орденом Суворова 2-й степени.

После этого с боями обошли Лодзь и взяли город Калиш, затем Яроцин. Отступавшего врага мы преследовали без перерыва. Даже ночью командование не давало нам отдыхать, чтобы мы действовали скрытно и неожиданно — именно в этом была сила конницы. Бойцы устали, кони тоже. Но надо было развивать и развивать успех. Тем более что нам давали силы поляки, встречавшие наши части с восторгом, женщины поили нас молоком, дарили цветы. Это нас, конечно, подбадривало, мы видели, что поляки действительно счастливы, рады освобождению, и нам хотелось идти и идти вперёд.

К концу января 1945 года мы подошли близко к Одере, неподалёку был город Грюнберг, сейчас это Зелёна-Гура. За рекой была уже Германия.

Не верилось, что, форсировав Одер, мы вступим на землю ненавистного врага. Хлопцы то и дело спрашивали командиров, доверят ли нам брать Берлин. Всем этого хотелось. Командиры неизменно отвечали: “А как же без нас! Мы ведь гоним его от самой Москвы. И загоним в логово!” И, шутя, добавляли: “Кто самолично Гитлера возьмёт на клинок – сразу дважды Героя дадут! Вдвоём возьмёте – Звёзды поделят. Так что старайтесь в одиночку его поймать”.

29 января 1945 года первым форсировал Одер 56-й гвардейский кавалерийский полк 14-й дивизии. За ними пошли и мы. С этого времени наши кони уже топтали германскую землю провинции Бранденбург. Командиры говорили, что именно в этой провинции находится Берлин.

Весь февраль мы преодолевали упорное сопротивление немца. Но упорно шли вперёд, освобождая город за городом. Все они вписаны в моих благодарностях от командира корпуса, а то и самого Сталина. Шли на север, обходя Берлин. В середине марта мы вышли к Балтийскому морю. В эти дни от нас ушёл комдив Чаленко, его направили учиться в академии генштаба. Дивизией теперь командовал гвардии полковник Рышков. С ним мы и закончили войну.

Но прежде, начиная с 1 апреля, наш корпус вывели в резерв 1-го Белорусского фронта. “Когда на Берлин?” – с нетерпением гадали мы. И предполагали, что в резерве мы не просто так. Наконец нам объявили, что в составе 47-й армии наш 7-й кавкорпус должен овладеть северо-восточными окраинами Берлина. Бойцы не могли сдержаться и трижды прокричали “Ура!”

Нам предстояло переправиться через Одер и уйти в прорыв, чтобы выйти на Берлин с севера. В районе города Целлин (Целле) сохранились мосты через Одер, немец почему-то их не взорвал, и мы перешли по ним. Сосредоточились в лесу и 19 апреля ушли в прорыв. Перед нашей дивизией были небольшие немецкие города Цюльсдорф и Басдорф. Немцы их здорово укрепили, и нам не удавалось пробить их оборону. К тому же против нас активно работала авиация. Выходить на дороги не было смысла, так как они были забиты беженцами из Берлина. И мы искали обходные пути. Через сутки боёв мы всё же взяли эти немецкие городки и упёрлись в канал, который, собственно, находился уже на окраине Берлина. Здесь нас снова достала авиация, но мы, используя надувные лодки и самодельные плоты, всё же форсировали канал и вышли к пригородному району Берлина Ораниенбург. Этот город мы брали вместе с поляками из Войска Польского.

За Ораниенбургом – снова канал. И опять пришлось форсировать его. Здесь мы познали силу фаустпатронов.

А до Берлина, как на грех, – посёлок за посёлком, городок за городком, а то и замок какого-нибудь барона. Всё это бралось штурмом с нашими потерями. Коней мы оставили ещё перед первым каналом, я уже не был в конноводах, нашлись дядьки постарше, поэтому шёл в атакующих рядах.

Вскоре пришёл приказ нашим дивизиям развернуться и идти брать Бранденбург. Мы вернулись к коням, сели в седла и прошли в этот день почти сотню километров. Переправившись через канал, вечером мы стояли уже перед Бранденбургом. Нашему полку приказали обойти город и взять другой – Ратенов. Но перед ним мы напоролась на минные поля и встали. Бой за Ратенов был тяжёлым и кровавым. Вскоре к нам подошли остальные полки нашей дивизии, а также вся 14-я дивизия. Под Бранденбургом осталась только 16-я дивизия.

Мы единым кулаком всё же вошли в Ратенов, но на его улицах увязли из-за снайперов и фаустников. Немцы вообще дрались отчаянно, понимая, что конец у них один. Наконец в небе появились наши самолёты. Под ударами бомб посыпались немецкие укрепления Ратенова. После бомбометания мы пошли в атаку. Штурмом лично руководил командир корпуса генерал-лейтенант Константинов. Пришлось брать дом за домом, улицу за улицей. 1 мая башкиры уже взяли Бранденбург, а мы и 3 мая ещё зачищали Ратенов. И вот 4 мая бои закончились. Ратенов лежал в руинах – так мы размолотили его из трофейных фаустпатронов. А что было делать, если немец не сдавался и бился отчаянно?.. Приходилось брать его даже поэтажно, загоняя на чердаки и крыши и уничтожая затем гранатами и автоматным огнём.

А сколько же наших погибло, не дожив буквально считанные дни до Победы... В Ратенове и Бранденбурге мы оставили большие братские могилы.

9 мая пришла весть о Победе! Мы так и не вошли в сам Берлин, но почтили его пригороды, и это нам засчитали как участие во взятии Берлина.

Позже я получил медаль “За взятие Берлина”. Наш 7-й гвардейский кавалерийский Краснознамённый, ордена Ленина, ордена Суворова корпус получил наименование Бранденбургский.

Берлин брали и другие конногвардейские корпуса. Командование разрешило конникам пройти колонной через поверженный Берлин. И мы шли и шли бесконечной вереницей, огибая развалины. Путь нам показывали девчонки-регулирующие. Это про нас Даниил Покраас написал песню: “Казаки, казаки, едут, едут по Берлину наши казаки!”

Выйдя из Берлина, мы отправились к месту постоянной дислокации корпуса на территории Советского Союза. Но по пути многих из нас отпускали домой по демобилизации. Попал под это и я. Каждому оставили боевого коня и шашку. С ними я и прибыл домой в Широкий Луг и обнял жену, детей и отца.

(Рассказ, в основном, написан автором в 1978 году, дополнен устным рассказом под запись внуку Александру Смышляеву в 1981 году. Литературная обработка внука).

Смышляев Степан Филиппович (1905–1986) родился в Уржумской волости Вятской губернии. С 1906 году с семьёй переехал в Барнаул, затем в д. Широкий Луг Кузнецкой волости Томской губернии. С августа 1941-го по июль 1945-го — служба в 15-й Алтайской гвардейской Мозырско-Бранденбургской Краснознамённой, ордена Суворова кавалерийской дивизии 7-го гвардейского Бранденбургского ордена Ленина, Краснознамённого, ордена Суворова кавалерийского корпуса. Конногвардеец. Награды: орден Красной Звезды (№ 2532408), медаль “За боевые заслуги” (№ 579349), медаль “За освобождение Варшавы” (А “148705) и медаль “За взятие Берлина” (№ 017610), медаль “За победу над Германией”.

После войны работал слесарем на руднике Темиртау в Кемеровской области. На пенсии переехал в г. Ленгер Южно-Казахстанской области. Там и похоронен.